

АРУНДАТИ РОЙ

МИНИСТЕРСТВО НАИВЫСШЕГО СЧАСТЬЯ

АРУНДАТИ РОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(540)

ББК 84(5Инд)-44

P65

Arundhati Roy
THE MINISTRY OF UTMOST HAPPINESS

Серия «От лауреата Букеровской премии»

Перевод с английского *Александра Анваера*

Издание публикуется с разрешения
Susanna Lea Associates и Synopsis Literary Agency

Дизайнер *Яна Паламарчук*

Рой, Арундати.

P65 Министерство наивысшего счастья: роман / Арундати Рой; [пер. с англ. А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 512 с. — (От лауреата Букеровской премии).

ISBN 978-5-17-983169-3

Первый за двадцать лет роман Арундати Рой приглашает нас в далекое путешествие — из тесных кварталов Старого Дели и сияющего нового мегаполиса к снежным вершинам и долинам Кашмира и лесам Центральной Индии, в края, где война — это мир, а мир — это война.

«Министерство наивысшего счастья» — это история мучительной любви и решительного протеста. Рассказ ведется то шепотом, то во весь голос, то сквозь слезы, а порой и со смехом. Герои его — сломленные миром люди, которые были спасены и излечены любовью и надеждой. И потому они столь же тверды, сколь и хрупки, и никогда не сдаются.

УДК 821.111-31(540)

ББК 84(5Инд)-44

ISBN 978-5-17-983169-3

© Arundhati Roy, 2017

© Анваер А., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЕЗУТЕШНЫМ

Я имею в виду, все зависит от твоего сердца...

НАЗЫМ ХИКМЕТ

В тот волшебный час, когда солнце уже зашло, но свет еще не померк, с огромного баньяна, растущего на старом кладбище, срываются мириады крыланов с острыми лисьями мордочками и черным дымом проносятся над городом. Когда крыланы скрываются из вида, в листве обосновываются на ночлег вороны. Гвалт вернувшихся домой ворон не в состоянии до краев заполнить безмолвие, вызванное отсутствием пропавших невесть куда воробьев, а еще белобоких грифов, бывших попечителями мертвых тел последние сто миллионов лет. Эти были уничтожены. Грифы вымерли, отравленные диклофенаком. Диклофенак, коровий аспирин, которым кормят коров для снятия боли, мышечного напряжения и увеличения надоев, действует — действовал — на грифов как нервно-паралитический газ. Каждая молочная корова или буйволица с расслабленными диклофенаком мышцами становилась после смерти отравленной приманкой для белобоких грифов. По мере того как коровы превращались в машины по производству молока, по мере того как город поглощал все больше мороженого, ирисок, вафельек с ореховой пастой и молочного шоколада, по мере того как он выпивал все больше мангового молочного коктейля, шеи грифов клонились книзу, не в силах удерживать на весу головы. Казалось, птицы очень устали и невольно засыпают. Из клювов стекали серебристые струйки слюны, а потом птицы, одна за другой, замертво падали с ветвей вниз.

Немногие заметили исчезновение дружелюбных старых птиц. У людей так много других забот.

1. ГДЕ УМИРАЮТ СТАРЫЕ ПТИЦЫ?

Она жила на кладбище, как дерево. На рассвете она прощалась с воронами и радушно приветствовала вернувшихся крыланов. На закате приветствовала первых и провожала вторых. В промежутках беседовала с тенями грифов, таящимися в ее высоких ветвях. Она ощущала деликатное прикосновение их когтей, как ощущают боль в ампутированной конечности. Каким-то шестым чувством она догадывалась, что грифы не слишком сожалеют о том, что им пришлось откланяться и сойти со сцены.

Когда она впервые поселилась здесь, ей пришлось несколько месяцев испытывать на себе все повседневные жестокости, но она перенесла их, как дерево, стойко. Она не оборачивалась, чтобы посмотреть, что за мальчишка швырнул в нее камень, она не вытягивала шею, чтобы прочесть непристойное оскорбление, нацарапанное на ее коре. Когда люди обзывали ее обидными прозвищами — клоуном без цирка и царицей без дворца, она пропускала их сквозь свои ветви, словно это был ветер, и прислушивалась к музыке листвы. Этот шелест действовал как целебный бальзам и смягчал боль.

Только после того, как Зияуддин, старый слепой имам, который когда-то возглавлял молитвы в Фатехпури-Масжид, подружился с ней и стал регулярно ее навещать, окрестные жители решили, наконец, оставить ее в покое.

Давным-давно один человек, который знал английский, сказал ей, что если написать ее имя (по-английски) задом наперед, то получится *Maipu*, то есть *Маджнун*. Тот

человек говорил, что в английском пересказе легенды о Лейле и Маджнуне Маджнуна звали Ромео, а Лейлу — Джульеттой. Она нашла это забавным. «Ты хочешь сказать, что я — *кичри** этой истории? — спросила она. — А что они сделают, если вдруг обнаружится, что Лейла на самом деле была Маджнуном, а Роми — Джули?» Когда Человек-Который-Знал-Английский пришел к ней в следующий раз, он признал, что ошибся. Если написать ее имя задом наперед, то получится *Mujna* — Муджна, а это слово вовсе даже и не имя и не значит ровным счетом ничего. На это она ответила: «Это совершенно неважно. Во мне существуют все они. Я — Роми и Джули, я — Лейла и Маджнун. И Муджна — почему нет? Кто сказал, что мое имя Анджум? Я не Анджум, я — Анджуман, я — *мехфиль*, собрание, единение — всего и ничего, всех и никого. Не хочешь ли ты позвать к нам кого-нибудь еще? Я приглашаю всех».

Человек-Который-Знал-Английский сказал, что это очень умная мысль и сам он ни за что бы до нее не додумался. На это она заметила: «Как бы ты мог это сделать с твоим знанием урду? Неужели ты думаешь, что английский автоматически делает тебя умным?»

Он рассмеялся, она рассмеялась в ответ. Он угостил ее сигаретой с фильтром и пожаловался, что «Уиллз невикат» слишком короткие и не стоят тех денег, каких за них требуют. Но она сказала, что предпочитает их сигаретам «Фор сквер» или очень мужским «Ред энд уайт».

Теперь она уже не помнит его имени. Возможно, она никогда его и не знала. Он ушел — Человек-Который-Знал-Английский, — ушел туда, куда должен был уйти. Она же осталась жить на кладбище за государственным госпиталем. Компанию ей составлял железный шкаф мар-

* Кичри — пряное индийское блюдо. В данном случае имеется в виду нечто сущностное, главное.

ки «Годредж»*, где хранилась ее сокровенная музыка — поцарапанные пластинки и изношенные магнитные ленты, а также старая фисгармония, одежда, драгоценности, сборники стихов, фотоальбомы и несколько газетных вырезок, переживших пожар в Кхвабгахе, Доме снов. Ключ висел у нее на шее, на черном шнурке, вместе с изогнутой серебряной зубочисткой. Спала она на потертом персидском ковре, который днем запирала в шкаф, а вечером расстилала между двумя могилами (она никогда не стелила его в одном и том же месте две ночи подряд — это была ее невинная шутка). Она продолжала курить матросские «Неви кат».

Однажды утром, когда она, как обычно, читала старому имаму вслух газету, он, очевидно, не слушая, спросил как бы между прочим: «Истинно ли, что даже некоторых индуистов не сжигают, а хоронят в земле?»

Ответить было трудно, и она помедлила.

«Истинно? Что значит истинно? Что такое вообще Истина?»

Не желая отклоняться от выбранной цели, имам механически ответил: «Сач Худа хай. Худа хи Сач хай». (Истина есть Бог, и Бог есть истина.) Однако эта мудрость начертана на половине раскрашенных красками грузовиков, с ревом несущихся по скоростным шоссе. Имам прищурил свои слепые, зеленые от глаукомы глаза и спросил коварным, зеленоватым шепотом: «Скажите мне, люди, где вас хоронят, когда вы умираете? Кто обмывает ваши тела? Кто произносит молитвы?»

Анджум долго молчала, не отвечая на вопрос имама. Потом она наклонилась к нему и произнесла: «Имам-сахиб, когда люди говорят о цветах — красном, синем, оранжевом, когда они описывают небо на закате или восход луны в Рамадан — какие мысли и чувства возникают у тебя?»

* Индийская мебельная фирма.

Глубоко, почти смертельно, ранив друг друга, они продолжали сидеть рядом на чьей-то залитой солнцем могиле и молча истекали кровью. Первой тишину нарушила Анджум.

«Это ты должен мне сказать, — произнесла она. — Это ты — имам-сахиб, а не я. Где умирают старые птицы? Падают ли они нам на головы с неба, словно камни? Спотыкаемся ли мы на улицах об их тела? Разве ты не думаешь, что Всевидящий и Всемогущий, поместивший нас на эту землю, позаботился и о том, чтобы пристойно обставить наш уход?»

В тот день визит имама окончился раньше обычного. Анджум смотрела, как он уходит, отчетливо стуча своей белой тростью, нащупывая безопасный путь между могилами. Кончик трости звенел, натываясь на пустые бутылки и выброшенные шприцы, раскиданные по дорожкам кладбища. Анджум не пыталась его остановить, ибо знала, что он вернется. Как бы тщательно кто ни скрывал свое одиночество, она всегда узнавала его с первого взгляда. Она чувствовала, что по каким-то непостижимым причинам старому имаму нужна ее тень, а ей — его. Из опыта она знала, что Нужда всегда копит в себе изрядно жестокости.

Прощание Анджум с Кхвабгахом нельзя было назвать сердечным, это правда, но она понимала, что его сны и тайны принадлежали не ей одной, и не спешила их раскрывать.

2. КХВАБГАХ

Она была четвертой из пяти детей в семье. Родилась она в холодную январскую ночь в делийском районе Шах-джаханабаде*, некогда окруженном крепостной стеной, при свете керосиновой лампы (в ту ночь отключили электричество). Ахлам Баджи, акушерка, принимавшая роды, завернула младенца в две теплые шали и протянула матери со словами: «Это мальчик». Учитывая некоторые обстоятельства, это была вполне простительная ошибка.

Когда Джаханара-бегум была на втором месяце своей первой беременности, они с мужем решили, что если родится мальчик, они назовут его Афтабом. Первые три ребенка оказались девочками. Супруги ждали своего Афтаба шесть лет. Ночь, когда он, наконец, появился на свет, стала счастливейшей в жизни Джаханары-бегум.

Наутро, когда солнце поднялось высоко над землей и в комнате стало светло, тепло и уютно, Джаханара распеленала маленького Афтаба и принялась исследовать его крошечное тельце — глазки носик головку шейку подмышки пальчики на ручках и ножках — неспешно, с чувством, испытывая неземной восторг. Беда случилась, когда она скользнула пальцем под выступавшую мужскую часть и обнаружила под ней маленькую, плохо оформленную, но явно девичью принадлежность.

Возможно ли, чтобы мать пришла в ужас от собственного ребенка? С Джаханарой-бегум именно это и случи-

* Прежнее название Старого Дели.